

ПОЭТИКА И МЕТАФИЗИКА СНА ИППОЛИТА ТЕРЕНТЬЕВА

(роман Ф.М. Достоевского «Идиот»)

Одним из важных элементов поэтики художественного произведения и приемов раскрытия внутреннего мира героев является введение в сюжет произведения гипнотической сферы – сновидений, видений и прочих измененных состояний сознания. В литературоведении явление сновидения именуется «архетипом сновидения». «Архетипическая природа сновидения, – пишет В.В. Савельева, – позволяет считать его загадкой или разгадкой внутреннего «Я» персонажа... Введение сна – это факт авторской воли» [Савельева, 2007: 188].

Сновидение является одним из основных структурных элементов текста Достоевского: достаточно вспомнить сны Раскольникова в «Преступлении и наказании», сны Алеши и Дмитрия Карамазовых в «Братьях Карамазовых». И в этом ряду особняком стоит сон Ипполита Терентьева, продолжающего линию героев-идеологов в творчестве Достоевского.

Первое упоминание о «*дурных снах*» Ипполита приводится в словах князя Мышкина о том, что в Павловске его [Ипполита] «*”волнение и сны”* переменяются» [Достоевский. 1973: 323]. Тем самым сны Ипполита связываются с хронотопом Петербурга и его тесной комнатки, окно которой упиралось в Мейерову стену.

В структуре онейрического хронотопа Ипполита Терентьева выделяются следующие элементы: сон о *гадине*, видение *тарантула* и привидение Рогожина. Включенные в единое пространство сна с помощью сквозных мотивов и образов, они выстраиваются во временной последовательности.

Первый элемент гипнологии Ипполита – его сон. Ипполит пишет, что он видел себя «*в одной комнате (но не в моей). Комната больше и выше моей, лучше меблирована, светлая...*» [Достоевский, 1973: 323]. Комната, согласно словарю символов, воплощает идею внутреннего мира человека. Однако, Ипполит замечает, что это *не его* комната, очевидно, эта высокая светлая комната символизирует идеальное пространство его души (то, какой она должна быть), поэтому он и не узнает ее. Ипполит видит, как в комнате появляется некая «*гадина*» «*вроде скорпиона, но не скорпион, а гаже и гораздо ужаснее <...> оно коричневое и скорлупчатое, пресмыкающийся гад...*» [Достоевский, 1972: 323]. «*Я ужасно боялся*», – вспоминает сновидец, – «*что оно меня ужалит; мне сказали, что оно ядовитое*»; но мать Ипполита «*отворила дверь и кликнула Норму, нашу собаку, – огромный тернёф, черный и лохматый; умерла пять лет тому назад*», и животное съедает эту гадину, однако, «*гадина успела-таки ужалить ей язык*» [Достоевский, 1973: 324]. *Гадину* из этого сна можно рассматривать как материальное воплощение богоборческой идеи

Ипполита, которая врывается в душу героя и стремится уничтожить его. Образ же собаки соотносится со спасением души, ведь собака в символическом плане является проводником души человека в загробном мире, недаром у многих народов жила традиция вместе с умершим погребать и его собаку [Словарь символов, <http://www.slovo.isu.ru/simon.htm>]. Представляется, что в единоборстве собаки и *гадины* аллегорически изображается борьба в душе Ипполита христианских представлений и ложных идей. Вера Ипполита в этом сне гибнет под влиянием его богоборческой идеи, которая тоже не прошла испытания. Важно упоминание, что собака Норма умерла. Вместе с ней погибает надежда на спасение и воскрешение героя, его душа теряет своего проводника.

Временная характеристика сновидения может быть рассмотрена в двух аспектах. С одной стороны, на внешнем уровне этот сон закреплен за конкретным временем, которого автор романа, как и автор исповеди, не указывают. Сказано лишь, что Ипполит видел этот сон непосредственно перед визитом князя Мышкина. С другой стороны, можно говорить о внутреннем времени сновидения, в котором переплетаются реалии прошлой жизни Ипполита (собака Норма¹), его настоящего, воплощенного в борьбе *гадины* и собаки, и, наконец, отсылки к его будущему (исход этой схватки).

Линию гипнотического хронотопа Ипполита продолжает его видение о тарантуле. *«Я помню, что кто-то будто бы повел меня за руку, со свечой в руках... и показал мне какого-то огромного и отвратительного тарантула и стал уверять меня, что это то самое темное, глухое и всеильное существо, и смеялся над моим негодованием»* [Достоевский, 1972: 340]. Это действие по форме напоминает некий ритуал посвящения, открытия тайны. Заметим, что ему предшествовало посещение Ипполитом квартиры Рогожина, где он видит картину Ганса Гольбейна-младшего «Мертвый Христос», которая оставила в его душе глубокий отпечаток. Натуралистичная прорисовка тела Иисуса, снятого с креста, вызвала в сознании Терентьева мысли о том, что, кем бы ни был человек, он, в конце концов, будет истреблен *«огромным, неумолимым и немим зверем... громадной машиной»* [Достоевский, 1972: 339] – природой. Тарантул, явленный Ипполиту вскоре после этого посещения, представляет собой того самого *огромного, неумолимого и немого зверя*. Эсхатологическое начало этого образа кроется в том факте, что укус насекомого смертельно опасен для человека. Таким образом, *«скорлупчатое насекомое»* воплощает идею неминуемой смерти, против которой человек бессилён. Недаром это видение, по словам самого Ипполита, стало еще одним шагом к решению покончить жизнь самоубийством.

¹ Имя собаки, очевидно, также значимо. Норма – героиня оперы Беллини. Устами Нормы возвещается о грядущем конце чужеземного ига (См.: Опера Винченцо Беллини «Норма» (Norma). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=126325> – Загл. с экрана).

И, наконец, последним элементом структуры онейрического хронотопа Ипполита Терентьева является видение призрака Рогожина. «*Вдруг дверь моей комнаты открылась, и вошел Рогожин*» [Достоевский, 1972: 340]. Вновь возникает пространство комнаты – замкнутое пространство души Ипполита. Привидение не проронило ни слова и лишь усмехалось над Ипполитом. «*Насмешку я и теперь прочел в его взгляде, она-то меня и обидела*» [Достоевский, 1972: 340]. И после этого Ипполит окончательно укрепляется в своем решении. Явление приведения следует по времени сразу за видением о тарантуле, и оба они предстают перед ним в ночь перед «*окончательным моментом полной решимости*», то есть, в итоге, становятся последней чертой, до которой дошел Ипполит в своих душевных и физических страданиях.

Отметим, что в видении о тарантуле также *кто-то* как будто бы насмехается над Ипполитом. Этот *кто-то* воплощает образ дьявола-искусителя, убеждающего Ипполита спастись от этой машины природы через отказ от Бога. Возникает переключки образов: таинственный смеющийся над Ипполитом *кто-то* перевоплощается в последнем видении в Рогожина, с усмешкой глядящего на него.

Доминантные образы сновидений и видений как бы вырастают один из другого по кумулятивному принципу. Представляется, что это не три различных образа в рамках онейрического пространства, а трансформация некоего образа, воплощающего небытие: от абстрактной гадины к тарантулу, и, в итоге, к Парфёну Рогожину. Значимым для понимания сути этого образа является рассуждение Ипполита: «*Может ли мерещиться в образе то, что не имеет образа? Но мне как будто казалось временами, что я вижу, в какой-то странной, невозможной форме, эту бесконечную силу, это глухое, темное и немое существо*» [Достоевский, 1972: 340].

Обратим также внимание на то, что гипнотическая сфера Ипполита закольцована двумя главными героями-антиподами: князем и Рогожиным. Князь не фигурирует непосредственно в снах Ипполита, но именно в ожидании князя Ипполит видит первый сон, и именно в момент пробуждения «вошел князь». В этом пространстве Ипполит движется от князя Мышкина, воплощающего идею любви и добра, к Рогожину, несущего идею вседозволенности и смерти.

Таким образом, можно заключить, что онейрический хронотоп в романе Достоевского «Идиот» имеет четкую структурную и временную организацию, наполнен семантически значимыми образами, дешифровка которых позволяет приблизиться к истолкованию «авторской воли».

Библиографический список

1. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. VIII / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1973. – 511 с.
2. Савельева, В.В. Художественная антропология и литературное творчество: Курс лекций // Художественная антропология и творчество писателя: Учебник для гуманитарных факультетов / Под

ред. В.В. Савельевой, Л.И. Абдуллиной. – Усть-Каменогорск; Алматы, 2007. – С. 6-269.

3. Словарь символов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovo.isu.ru/simon.htm>. – Загл. с экрана.